

УДК 141.1
ББК 87.3(0)
В 12

ГЕГЕЛЬЯНСТВО ПОД МАСКОЙ НИЦШЕАНСТВА: СПЕКУЛЯТИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ «ИСТОРИИ БЕЗУМИЯ» М. ФУКО

(Рецензирована)

Сидоренко Наталия Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и математических дисциплин
Южного института менеджмента, г. Краснодар. Тел.: (903) 447 12 66, e-mail: tata2770@yandex.ru

Вавилов Антон Валерьевич,
аспирант Кубанского государственного университета. Тел.: (918) 657-87-60,
e-mail: anton_v_v@list.ru

Аннотация. *Статья представляет попытку спекулятивного прочтения первого крупного труда французского философа Мишеля Фуко под названием «История безумия в классическую эпоху». Авторы предлагают взглянуть на концепцию Фуко с точки зрения ницшеанского романтизма, структурализма или антипсихиатрии, а через оптику главной задачи постклассической мысли, заключающейся в критике классической рациональности, которая, исключая свое «иное», пренебрегает необходимостью напряженного взаимоотношения с ним. Представленная в работе Фуко попытка вернуться к «иному» и «освободить» голоса безумия, преданные забвению новоевропейским рацио, прочитывается сквозь призму гегелевской проблематики трансформации разума посредством включения «иного».*

Ключевые слова: разум, безумие, неразумие, иное, диалектика, М. Фуко, Г.В.Ф. Гегель.

HEGELIANISM UNDER THE NIETZSCHEANISM'S MASK: THE SPECULATIVE INTERPRETATION OF THE FOUCAULT'S "HISTORY OF MADNESS"

Sidorenko Natalia Sergeyevna,
candidate of philosophical sciences, associate professor of Department of humanitarian and
mathematical disciplines of the Southern institute of management, Krasnodar. Ph.: (903) 447 12 66,
e-mail: tata2770@yandex.ru

Vavilov Anton Valeryevich,
graduate student of the Kuban state university. Ph.: (918) 657-87-60, e-mail: anton_v_v@list.ru

Summary. *The article represents attempt of speculative reading of the first large work of the French philosopher Michel Foucault "Madness history during a classical era". Authors suggest to look at Foucault's concept from the point of view of criticism of classical rationality. The consciousness is considered through a prism of a perspective of transformation of reason by Hegel.*

Keywords: reason, madness, unreason, other, dialectic, M. Foucault, G.W.F. Hegel.

«Прежде всего, для меня было важным обнаружить связь между новой формой отчуждения и опытом безумия в мире, где доминируют науки и рационалистическая философия» – так в интервью 1961 года французский философ Мишель Фуко объяснял главную задачу своего только что вышед-

шего первого крупного труда под названием «Безумие и неразумие. История безумия в классическую эпоху» [4, с. 168]. Сквозь толщу веков эта связь была обнаружена: привлекая довольно обширный исторический, литературный и философский материал, Фуко стремился показать, что с прише-

ствием новоевропейской рациональности безумие подверглось заключению – или, выражаясь словами самого мыслителя, «великому заточению» [17, с. 59]. Главу с одноименным названием открывает ставшее впоследствии благодаря Ж.Деррида знаменитым прочтение картезианских размышлений, в котором Фуко демонстрирует, как основатель классической рациональности Р. Декарт с помощью методического сомнения исключает саму возможность помешательства из сферы мысли, радикально изменяя тем самым всю предшествующую проблематику взаимоотношений разума и безумия. «Отныне безумие не грозит самой деятельности Разума. Разум укрылся от него за стеной полного самообладания. <...> Ход сомневающейся мысли у Декарта ясно показывает, что опасность уже преодолена и безумие располагается вне той неотъемлемо принадлежащей субъекту сферы, где он сохраняет все права на истину, т. е. вне той сферы, какой является для классической мысли самый разум. Отныне безумие отправляется в ссылку» [там же, с. 61 – 62]. Разум и безумие больше не сообщаются; великий диалог, характеризующий эпоху Возрождения, прекращается. Отныне безумие (*folie*) не причастно ни разуму, ни истине – оно сплошное и тотальное неразумие (*déraison*), то есть чуждый разуму элемент, его непоправимое заблуждение, ослепление или помрачение, уводящее от света истины: не-разумие; пустая негативность разума, его абстрактное отрицание: не-разумие. Развеивая давние страхи трагической обратимости разума, выражение которых Фуко находит, прежде всего, на полотнах И. Босха, Д. Баутса, П. Брейгеля, А. Дюрера и С. Лохнера, а также во всем мироощущении эпохи Возрождения, классическая рациональность заслоняет «трагико-космический опыт (*l'expérience cetragiqueetcosmique*)» безумия его «критическим сознанием (*consciencecritique*)», которое будет превалировать во всей дальнейшей истории западного мира [3, с. 40 – 41]. И именно критическое сознание составит основу для рождения доминирующего в современном мире восприятия безумия, представленного, главным образом, психиатрической наукой, представители которой смогут в «бесстрастно-объективных терминах» выносить решение о невменяемости отдельного индивидуума, основываясь на прочном сознании собственного не-безумия. Таким образом, через неразумие безумие приходит, наконец, в лице психологии к своей, как может показаться, окончательной – «психологической» – истине. Однако, уверен Фуко, никакая психология по самой своей сути не способна высказать истину безумия, так как само ее появление знаменует именно забвение его истины. «Психология рождается именно так: не как истина безумия, а как

признак того, что безумие отныне лишено своей истины <...> и пребывает и будет пребывать всего лишь одним из стихийных, незначимых явлений, во множестве разбросанных на неохватной поверхности природы» [18, с. 339]. Если по времена Босха в безумии видели таинственную реальность постоянно присутствующей угрозы распада разума и самого мироздания, то в классическую эпоху начинается процесс отчуждения безумия от его – некогда сущностной – субстанциальной мощи: космическое безумие десакрализуется, десубстанциализируется, низводясь до «пустого безумия отдельных людей (*futilefoliedeshommes*)» [3, с. 364]. Этот процесс отчуждения безумия от его трагико-космической истины, как считает Фуко, достигает своего апогея в психологии.

В то же время, сама психология, как отмечает философ во втором издании работы «Психическая болезнь и личность» 1962 года (с измененным и характерным названием «Психическая болезнь и психология»), «не может не стремиться к основам», так как «незаметно для самой себя движется туда, где ее возможности исчерпываются» [20, с. 262]. Эту же интенцию о движении психологии к собственным границам можно встретить в более ранней и не столь известной работе мыслителя 1957 года под названием «Научное исследование и психология». «Если бы психология захотела вновь обрести свой смысл знания, исследования и практики, ей нужно было бы вырваться из этого мифа позитивности, в котором сегодня она живет и умирает, дабы обнаружить свое подлинное пространство внутри измерений негативности человека» [19, с. 283]. Таким обращением психологии к негативности Фуко считает психоанализ, знаменующий собой не столько «насыщенность открытия», сколько «самовластное насилие возврата» [18, с. 339]. Психоанализ по мысли французского философа представляет собой не некое ответвление психологии, но именно «возврат к тому самому опыту неразумия, в сокрытии которого, собственно, и состоит смысл психологии в современном мире» [там же]. Но этот возврат не есть простое возвращение в непосредственность мироощущения эпохи Возрождения, где разум еще не различился со своим иным. Возврат, открывающийся в психоанализе, есть возвращение в конкретность различности. Фигура Фрейда знаменует собой начало третьего логического момента истории безумия – момента возвращения разума к диалогу с иным, возвращения, которое имманентно происходит в самой психологии. Конечно, психоанализ не ответвление психологии, однако, не стоит забывать, что он выходит именно из нее (в двойном смысле: как отталкивание и покидание и как отталкивание от почвы, основания). Это пограничное

положение австрийского ученого, знаменующее собой «закрытие» психологии при одновременном «открытии» психоанализа, становится объектом пристального взгляда Ж. Деррида. На конференции 1991 года под характерным названием «Мыслить безумие», основатель деконструктивизма, выясняя отношение между психоанализом и «Историей безумия», говорит о «двойном движении» Фрейда, открывающем одну эпоху и закрывающем другую [1, с. 150]. Поэтому можно сказать, что это «двойное движение» представляет собой момент перехода от классического разума, исключаящего безумие, к разуму современному или постклассическому, который уже не боится вступать в непростые отношения с иным, возвращая ему право голоса – голоса, настоятельно звучащего уже в произведениях Ф. Ницше, Ф. Гёльдерлина, Р. Русселя, Ж. Нерваля, В. Ван Гога и А. Арто.

Именно этих творцов, чьи имена повторяются в «Истории безумия» довольно часто, Фуко «привлекает» в качестве оппозиции научному дискурсу, будучи уверенным, что их произведения, неся в себе не психологическое или моральное, но «сущностное отношение» между разумом и безумием, открывают для человека возможность освобождения от «всякой психологии для великого, трагичного противостояния безумию» [20, с. 263]. Примечательно, что все избранные французским философом творцы имели опыт реальной психической болезни, который мыслитель отказывается, однако, трактовать с позиции патологии, подходя к нему скорее лирически патетически, как к возрождению трагическо-космического опыта безумия, неподвластного никакой психологии. Отметим, что уже на защите «Истории безумия» (для получения степени доктора Фуко предложил эту работу в качестве основной) комиссия поставила под вопрос «глубинную метафизику» исследования, заключающуюся в некоем «превознесении опыта безумия» в свете таких личностей, как Арто, Ницше, Руссель, Нерваль, Ван Гог и Гёльдерлин [21, с. 145]. И это не случайно, ибо уже в предисловии философ отмечает, что данное исследование, проводимое под солнцем великого ницшеанского поиска, *противопоставит диалектике истории неизменные структуры трагического* [5, с.162]. *По-видимому, именно их, участвуя, по мнению Фуко, в «великом лирическом протесте», представляющем собой попытку «возвращения опыту безумия глубины и силы откровения, отнятых заключением», обнажают произведения и сами судьбы избранных поэтов* [4, с. 169].

Конечно, можно, ведя речь о «ницшеанском соблазне», об «очаровании романтикой трагического», обвинять Фуков излишней «романтизацией» опыта безумия и «жесте метафизической субстан-

циализации» структур трагического [8, с. 69; 11, с. 84 – 87; 15, с. 84]. Однако, довольствоваться подобными обвинениями, значит оставаться на непосредственном уровне восприятия текста, открещиваясь от попытки понимания разумности происходящего обращения к трагическому и безумному. Необходимо прорваться сквозь «высокий барочный стиль» (М. Бланшо) текста Фуко и попытаться увидеть, что, так патетически говоря о безумии, он сообщает нам о разуме [10, с. 10].

Прежде всего, если проводить действительные параллели с Ницше, не довольствуясь скрупулезным перечислением схожих пассажей и простым указанием на общий «романтический» замысел по «возрождению» трагического, можно заметить, что «враг» у Фуко и Ницше один. А именно – утверждающаяся рациональность, отвергающая, принижающая и, в конечном итоге, под предлогом неразумия и безрассудства исключаящая и приводящая в забвение подрывающие ее развертывание некие виды «трансгрессивного» опыта. Уже в тексте Ницше можно найти разделение «прекрасного» опыта безумия и критического отстраненного взгляда, не видящего в подобном опыте ничего кроме неразумия – оно содержится во фрагменте, описывающем реакцию «ока Сократа» – то есть, ока рациональности – на трагическое искусство: «Представим себе теперь огромное циклопическое око Сократа обращенным на трагедию, око, в котором никогда не пылало прекрасное безумие (*holde Wahnsinn*) художнического вдохновения; представим себе, насколько этому оку был недоступен благосклонный взгляд в дионисовские глубины, – что, собственно, должно было увидеть оно в “возвышенном и высокославном” трагическом искусстве <...>? Нечто весьма неразумное (*Unvernünftiges*)... » [7, с. 321; 16, с. 84]. И если Ницше обвиняет Сократа как «теоретического человека», подавившего открывающее глубочайшие бездны бытия дионисийство, то для Фуко олицетворением рациональности, исключаящей этот опыт, является Декарт с его репрессивной по отношению к безумию логикой *cogito*. Поэтому и фукольдианское прочтение картезианских «Размышлений», которое Деррида считает главным во всем исследовании Фуко (и при этом «наивным»), оказывается закономерным следствием разворачивания проекта критики классической рациональности, основателем которой является Картезий [14, с. 57, 98]. Именно он, «странным усилием сводя безумие к молчанию» и совершая с «показательной жестокостью» требуемый «воцарением *ratio*» отказ от всяких с ним отношений (М. Бланшо), коренным образом изменяет всю проблематику этих отношений [9, с. 64]. Безумие оказывается, как мы помним, вне сферы истины, вне той сферы, какой является

для классической мысли разум. Но такой воцарившийся разум, отворачивающийся от своего иного для самоутверждения и обеспечения собственной достоверности, неизбежно оказывается абстрактным разумом, отторгающим иное. Если безумие как иное разума (как неразумие) оказывается отброшенным за его пределы, находясь вне сферы истины, то это свидетельствует лишь о сплошной зависимости такого разума от исключенного безумия, ибо этот «разум» утверждается лишь на основании проведения различия. Подобный разум оказывается неполноценным, неподлинным разумом именно по причине этого заведомого отказа как от включения в себя иного, так и от собственного изменения – трансформации и расширения – посредством этого включения. Подлинный же разум, как отмечает сам Фуко, не может быть «свободен от любых компромиссов с безумием», напротив, он почитает за долг «осваивать предначертанные безумием пути» [там же, с. 46]. Не угадывается ли в этих словах описание разума, данное уже Г.В.Ф. Гегелем в предисловии к «Феноменологии духа» 1807 года, в котором немецкий мыслитель говорит о силе подлинного разума, осмеливающегося «смотреть в лицо негативному, пребывая в нем» [12, с. 23]. Для своей полноты разум неизбежно должен включить в себя негативное, приняв его со всей серьезностью. «Мысль недиалектическая ограничивается противопоставлением рационального и иррационального, но мысль, стремящаяся стать диалектической, по определению должна положить начало движению разума к тому, что ему глубоко чуждо, к иному <...>. А иным разумом является неразумие, безумие. Таким образом, ставится проблема изменения разума посредством безумия или заблуждения, изменения, предшествующего всякому достижению подлинной мудрости», отмечает, анализируя ситуацию современной философии, В. Декомб [13, с. 18 – 19]. Но не указывал ли на эту трансформацию разума уже Гегель, когда писал о том, что подлинный разум не может не придавать «серьезного значения инобытию», «отчуждению», «страданию» и «работе негативного» [12, с. 16]? Впрочем, и сам Фуко как бы вскользь указывает на то, что именно «Феноменология духа» впервые после картезианского заточения выпускает безумие на свободу [17, с. 61]. И когда в завершении своей работы французский философ говорит о главной задаче современного мира, заключающейся в «возвращении неразумию разума», не слышится ли здесь вновь голос немецкого классика [там же, с. 628]? Не зря Деррида отмечает присутствие «гегелевского измерения (*dimension hegelienne*)», пропитуемого всю книгу Фуко [2, с. 59]. Говорить о настоятельной необходимости «возвращения неразумию разума», значит, отыскивая разум даже в

безумии-неразумии, высказывать «хвалу» разуму как таковому. Ведь критиковать классический разум, ведя речь о необходимости возвращения к исключенному иному, значит призывать «частную историческую определенность разума к суду Разума как такового», пытаясь совершить «революцию против разума» (одной из исторических форм которого является отворачивающийся от иного классический разум), внутри самого же разума и посредством разума, способствуя его трансформации, на необходимость которой указывал уже Гегель, который, как справедливо отмечает М. Мерло-Понти, «стоя у истоков всего, что было сделано великого в философии в течение века (например, в марксизме, у Ницше, в феноменологии и немецком экзистенциализме, в психоанализе), открывает попытку исследовать иррациональное и интегрировать его в расширившийся разум, что остается задачей нашего века» [14, с. 63; 6, с. 109 – 110].

И даже если присмотреться к ходу представленной Фуко истории, то окажется, что она подчинена диалектическому движению, состоящему из трех моментов: абстрактная всеобщность – различенность – возвращение в конкретную всеобщность. Первый момент нераздельности разума и безумия представляет собой тот самый трагический космический еще непосредственный опыт, доминировавший в эпоху Возрождения, когда безумие присутствовало везде, «явно и неотступно»; его ощущали, узнавали еще прежде, чем оно заявляло о себе. «Но ощущать его близкое присутствие не значило его воспринимать; ощущение это было определенным чувствованием мира в целом, определенной тональностью, предпосланной любому восприятию»; и именно поскольку безумие было везде, четкое сознание его было затруднено [17, с. 126]. Для того чтобы безумие стало объектом восприятия, требовалось возникновение дистанции. Второй момент – момент раскола – представлен пришествием рациональности, которая отчуждает и изолирует безумие как иное по отношению к разуму. Благодаря изоляции возникает та самая необходимая дистанция, сводящая непосредственное изначальное родство – «трагическое единство» – разума и безумия на нет. Голоса безумия умолкают под суверенным монологом разума; причем те элементы безумия, которые сближают его с разумом и грозят обнаружить хоть малейшее сходство с ним, «насильственно отторгаются», лишаясь права голоса: «угроза диалектики», отмечает Фуко, скрывается за актом изоляции [там же, 126 – 128, 206]. Таким образом, изоляция выступает необходимым моментом в истории безумия – средним моментом, моментом различения. Именно поэтому философ называет классическую эпоху «эпохой рассудка» в

существовании безумия [там же, с. 207]. Рассудок воспринимает безумие абсолютно негативно в бесстрастно-объективных терминах, видя в нем либо патологию, либо моральный изъян, либо вовсе нечто бессмысленное, заблуждающееся, алогичное – словно «пустой бессодержательный язык», «лишенная содержание и ценности, чисто негативная форма» [там же, с. 209, 211]. Однако постепенно разум начинает узнавать себя в безумии. Момент конкретной всеобщности: разум видит себя в безумии, возвращая ему право голоса и признавая в нем момент собственной истины – современный дискурс. Совершается возврат к исключенному иному, однако, результат этого возврата нельзя свести к тому непосредственному опыту безумия, который предшествовал разделению. История приходит к конкретной всеобщности, при которой разум, открывая непростой диалог с безумием, узнает в нем свой лик и признает момент собственной истины. Причем, сама работа Фуко, как справедливо отмечает Деррида, принадлежит тому времени – той «исторической ситуации логоса» – когда освобождение безумия из кольца позитивного знания уже началось [14, с. 65 – 66]. Действительно, такие явления как сюрреализм, антипсихиатрия, психоанализ знаменуют собой попытку вернуть безумию истину, пересмотрев статус иного.

В итоге, главной интенцией книги Фуко (или по крайней мере, одной из главных) оказывается критика классического разума, боящегося заглянуть в иное и отворачивающегося от непростых взаимодействий с ним. Таким образом, за романтикой трагического скрывается настоятельность критического, за маской нищества обнаруживается гегельянство. Поэтому, Деррида как будто с некоторым сожалением подытоживает анализ книги Фуко следующим пассажем: «и снова Гегель, как всегда... (*Hegel encore, toujours...*)» [2, с. 68].

ИСТОЧНИКИ:

1. Derrida J. «Être juste avec Freud»: l'histoire de la folie à l'âge de la psychanalyse // *Penser la folie: essais sur Michel Foucault*. – Paris: Galilée, 1992. – P. 141 – 195.

2. Derrida J. *Cogito et histoire de la folie // L'écriture et la différence*. – Paris: Éditions du Seuil, 1967. – P. 51 – 98.
3. Foucault M. *Histoire de la folie à l'âge classique*. – Paris: Gallimard, 1972. – 586 p.
4. Foucault M. *La folie n'existe que dans une société. Dits écrits I (1954 -1969)*. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 167 – 169.
5. Foucault M. *Préface in Foucault (M.), Folie et Dérailson. Histoire de la folie à l'âge classique. Dits écrits I (1954 – 1969)*. – Paris: Gallimard, 1994. – P. 159 – 167.
6. Merleau-Ponty M. *Sens et non-sens / M. Merleau-Ponty*. – Paris: Les Editions Nagel, 1948. – 331 p.
7. Nietzsche F. *Die Geburt der Tragödie // Jenseits von Gut und Böse (1886) Die Geburt der Tragödie (Neue Ausgabe 1886)*. – Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2014. – P. 235 – 388.
8. Sarup M. *An introductory guide to post-structuralism and postmodernism*. – New York: Harvester Wheatsheaf, 1988. – 171 P.
9. Бланшо М. Забвение, безрассудство // Мишель Фуко, каким я его себе представляю. – СПб.: Machina, 2002. – С. 53 – 74.
10. Бланшо М. Мишель Фуко, каким я его себе представляю // Мишель Фуко, каким я его себе представляю. – СПб.: Machina, 2002. – С. 7 – 51.
11. Вавилов А.В. Артикуляция безумия. Обаяние трагического и метафизический жест Фуко // *Теория и практика общественного развития*. – 2015. – № 1. – С. 84-87.
12. Гегель Г.В.Ф. *Феноменология духа*. – М.: Наука, 2000. – 495 с.
13. Декомб В. *Современная французская философия*. – М.: Весь мир, 2000. – 344 С.
14. Деррида Ж. *Когито и история безумия // Письмо и различие*. – М.: Академический проект, 2007. – С. 56 – 107.
15. Дьяков А.В. *Мишель Фуко и его время*. – СПб.: Алетейя, 2010. – 672 с.
16. Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. – М.: АСТ, 2010. – 698 с.
17. Фуко М. *История безумия в классическую эпоху*. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 576 с.
18. Фуко М. *Научное исследование и психология*. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 241 – 286.
19. Фуко М. *Психическая болезнь и личность*. – СПб.: Гуманитарная академия, 2010 – 320 с.
20. Эрибон Д. *Мишель Фуко*. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 378 с.